

RU

«Мы все в сточной канаве...»: мотив путеводной/судьбоносной звезды
в осетинской поэзии начала XX века
(на материале творчества Д. А. Гатуева, Г. Г. Малиева)

Хетагурова Д. К.

Аннотация. Цель работы – выявить особенности поэтического воплощения и символического содержания образа звезды в осетинской литературе начала XX века (Д. А. Гатуев, Г. Г. Малиев). Акцент в статье ставится на трансформацию традиционного семантического поля концепта ЗВЕЗДА (фразеологизмов «путеводная звезда», «родиться под счастливой звездой») вследствие активной вариативности смысловой составляющей исследуемого образа, индивидуального мировидения поэтов и влияния культурных традиций библейских текстов, осетинского фольклора, эстетики модернизма. Научная новизна работы заключается в выбранном аспекте изучения образной символики стихотворений Гатуева и Малиева с ориентировкой на эволюцию этнокультурных традиций, конвергенцию неомифологического и модернистского мировосприятия. Впервые в истории осетинской научной мысли избранные произведения Гатуева и Малиева освещаются в контексте художественных изысканий модернизма. В результате исследования установлено, что, выбирая за основу традиционную семантику (путеводная звезда – Полярная, Вифлеемская, судьбоносная), поэты расширили ее интерпретационную глубину благодаря переработке философских идей начала XX века. Оттого путь лирического героя Гатуева за звездочкой ассоциируется с экзистенциальным движением к смерти под ложным сиянием небесного тела, а бесплодные поиски своей звезды-судьбы на небосклоне в стихотворении Малиева – с экспрессионистской отчужденностью от собственной жизни под гнетом существования без света истины.

EN

“We are all in the gutter...”: the motif of the guiding/fateful star
in Ossetian poetry of the early 20th century
(based on poems by D. A. Gatuev, G. G. Maliev)

D. K. Khetagurova

Abstract. The paper aims to identify the peculiarities of poetic embodiment and symbolic content of the image of the star in Ossetian literature of the early 20th century (D. A. Gatuev, G. G. Maliev). The article focuses on the transformation of the traditional semantic field of the STAR concept (the phraseological units “guiding star”, “to be born under a lucky star”) due to the active variation of the semantic component of the studied image, the individual worldview of the poets, and the influence of cultural traditions of biblical texts, Ossetian folklore, and the aesthetics of modernism. The scientific novelty of the paper lies in the chosen aspect of studying the figurative symbolism of Gatuev’s and Maliev’s poems with a focus on the evolution of ethno-cultural traditions and the convergence of the neo-mythological and modernist worldview. For the first time in the history of Ossetian scientific thought, the selected works of Gatuev and Maliev are highlighted in the context of artistic research of modernism. As a result of the study, it was established that choosing the traditional semantics as a basis (the guiding star – the Polar Star, the Star of Bethlehem, the fateful star), the poets expanded its interpretative depth due to the processing of philosophical ideas of the early 20th century. That is why in Gatuev’s work, the persona’s path following the star is associated with an existential movement towards death under the false radiance of the celestial body; while the fruitless search for the star-fate in the sky in Maliev’s poem is associated with expressionist alienation from one’s own life, under the oppression of existence without the light of truth.

Введение

Один из самых популярных образов в мировой поэзии – образ звезды. Символическая глубина концепта ЗВЕЗДА включают в себя множественные семантические пласты, полифоничность и вариативность которых

связана с творческой идеосферой того или иного автора, с переосмыслением различных культурных традиций, с достижениями художественной мысли своего времени.

Актуальность представленной работы состоит в потребности систематизированного и углубленного изучения мотивно-тематической составляющей поэтики осетинской литературы начала XX века в контексте ее взаимодействия с национальным сознанием, с межкультурными связями и влияниями. Необходимость эта вызвана тем, что в связи с возрастающим интересом к национальному прошлому в осетинской культуре XXI века важно не забывать о закономерности процесса ее развития именно в обязательном соприкосновении с традициями мирового искусства. Острота проблемы состоит в том, что для устойчивой эволюции всякой национальной литературы требуется осознать, что этническая идентичность не единственная ее составляющая. Именно в неизменной диффузии межлитературных связей рождается новое оригинальное видение настоящего и будущего. В центре исследования – определение интерпретационной парадигмы образа звезды в стихотворениях «Звезда» (1908-1912) Дзахо (Константина) Алексеевича Гатуева (1892-1938) и «Песня горянки» (1912) Георгия Гадоевича Малиева (1886-1942).

Дзахо (Константин) Алексеевич Гатуев – осетинский прозаик, поэт, публицист, общественный и революционный деятель. В его произведениях соединились традиции реализма и модернизма. Он внес значительный вклад в развитие поэтической образности осетинской литературы, обогатил художественный язык. Георгий Гадоевич Малиев – осетинский поэт и публицист. Утонченный лирик, мастер поэтического слова, Малиев объединил в своем творчестве достижения национальной литературы с эстетическими установками различных художественных направлений (романтизм, реализм, символизм).

Для успешного достижения цели работы ставятся следующие задачи:

- 1) определить смысловую наполненность концепта ЗВЕЗДА в анализируемых текстах;
- 2) выявить трансформацию традиционных смыслов в трактовке образа звезды в стихотворениях Д. А. Гатуева и Г. Г. Малиева;
- 3) проследить возможные влияния идей модернизма на проявления дополнительных коннотационных пластов символики звезды в текстах Гатуева и Малиева.

В статье применяются такие методы исследования, как сравнительно-исторический и культурно-исторический (для комплексного исследования трактовок образа звезды в осетинской литературе через призму национального сознания, культурно-эстетических установок начала XX века), структурный метод (для полноты анализа стихотворений на образном, идейном уровнях).

Теоретической базой явились труды, посвященные изучению: звездной тематики в русской литературе (Бакирова, Пименова, 2020; Поташова, 2025), осетинского фольклора и этнографии (Чурсин, 1925), творчества Д. А. Гатуева (Хугаев, 2008; Дзапарова, Хетагурова, Хозиева и др., 2022) и Г. Г. Малиева (Ардасенов, 1959; Джыккайтты, 2003).

В работе использовалась также справочная и энциклопедическая информация (Бирих, Мокиенко, Степанова, 1998; Энциклопедия символов, знаков, эмблем, 2003; Осетинская этнографическая энциклопедия, 2012).

Источниками иллюстративного материала в исследовании послужили стихотворения «Звезда» (1908-1912) Д. А. Гатуева (1981) и «Песня горянки» (1912) Г. Г. Малиева (1995).

Практическая значимость результатов исследования заключается в том, что они могут использоваться в научно-методологической и прикладной сфере как учебный материал для лекционных курсов по истории осетинской литературы XX века на филологических факультетах РСО-Алании.

Обсуждение и результаты

Звезда как «один из древнейших общечеловеческих символов, астральный знак, символ вечности, <...> высоких стремлений, <...> эмблема счастья» (Энциклопедия символов, знаков, эмблем, 2003, с. 175) неизменно сохраняла свою притягательность в создании субъективной картины мира в творчестве многих поэтов. Актуальность образа объясняется его семантической емкостью, так как звезда – это и небесное тело, и синоним души, судьбы, божественных откровений, поисков, аллегория творческих исканий. Глубокую многоплановость концепта ЗВЕЗДА можно найти в шедеврах мировой (Ф. Петрарка, У. Шекспир, Д. Байрон, Г. Лонгфелло, У. Вордсворт, С. Плат), русской (М. В. Ломоносов, А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Ф. И. Тютчев, А. А. Фет, М. И. Цветаева) и осетинской (К. Л. Хетагуров, А. И. Токаев, Д. А. Гатуев, Г. Г. Малиев, З. А. Хостикоева) поэзии.

В стихотворении в прозе известного осетинского поэта начала XX века Дзахо (Константина) Гатуева «Звезда» можно выявить множественный символизм в использовании образа звезды, в котором соединились традиции библейской мифологии и модернистское мироощущение.

Текст построен по принципу притчи, в абстрактном пространстве с условным лирическим героем: «Он долго, долго шел... Туда, за высокие снежные горы, из-за которых торжественно-величаво поднималось красное горячее солнце <...>. Он шел через необозримые голые пустыни. И тогда зной неувлимым пламенем охватывал его исхудалое тело, раскаленным воздухом врывался внутрь <...>. Тяжелые капли черной крови выступали на потрескавшейся коже и, смешавшись с холодным потом, падали па горячий песок пустыни, который жадно проглатывал кровавую влагу. Он проходил дремучие леса» (Гатуев, 1981, с. 20). Неизвестно, когда путь субъекта начался и когда закончится. Он упорно идет по пустыням, лесам, ущельям гор и ночью и днем, прорывается сквозь сучья, падает, израненный, кровоточащий, стремится вперед, «подталкиваемый

неведомой, непреодолимой силой» (Гатуев, 1981, с. 20). Это мучительное путешествие, полное боли физической (исцарапанный, теряющий куски мяса) и душевной (инвариантное одиночество), есть универсальное воплощение онтологии человеческой жизни. Образы в тексте Гатуева намеренно реалистичны и представляют собой типичные элементы природного бытия: снежные горы, необозримые пустыни, дремучие леса, зной и холод, бешеный ветер – все они свидетели и источники страданий лирического героя, пытающиеся сломить его волю. Однако он упрямо стремится к далекой звездочке, что манит и направляет его путь: «И сквозь часто переплетавшиеся ветви, как через решетку, ему блистала далекая мерцающая звездочка» (Гатуев, 1981, с. 20). В этом безумном бесконечном движении вперед он выбрал себе цель, его взор всегда устремлен к ней, к этой недостижимой звезде. Для Гатуева мотив путеводной звезды, несомненно, связан с библейским образом звезды, указывающей волхвам место рождения Спасителя. Так и путник стремится к ней, чтобы также найти спасение, радость, покой и «возможность постижения божественного мира в его полноте» (Поташова, 2025, с. 1181). Однако если у Вифлеемской звезды была конкретная задача, с которой она справилась, то звезда Гатуева, напротив, ведет героя неизвестно куда. Семантическое поле устойчивого фразеологизма «путеводная звезда» в концептосфере осетинского поэта включает в себя как традиционные толкования: Полярная звезда, которую «мореплаватели древности почтительно именовали <...> Путеводной звездой, так как по ней, точно стоящей на севере, можно было надежно определять путь» (Бирих, Мокиенко, Степанова, 1998, с. 205); Вифлеемская звезда, ведущая волхвов к месту рождения Иисуса Христа: «И се, звезда, которую видели они на востоке, шла перед ними, как наконец пришла и остановилась над местом, где был Младенец» (Мф. 2:9), так и новое смыслонаполнение, связанное с мировидением человека XX века. Как утверждает исследователь русскоязычной осетинской литературы И. С. Хугаев: «Поэтический слух Дзахо утончился в значительной мере благодаря школе модернизма» (2008, с. 6). Поэтому путешествие лирического героя может трактоваться как экзистенциальный путь в никуда, к неизбежности смерти, а звездочка лишь атрибут неба, она ничего не обещает и не указывает. Как говорил Ф. Кафка: «Истинный путь идет по канату, который натянут не высоко, а над самой землей. Он предназначен, кажется, больше для того, чтобы о него спотыкаться, чем для того, чтобы идти по нему» (Кафка, 1994, с. 7). Так и субъект Гатуева спотыкается на своем «истинном пути», падает, поднимается, израненный, теряя кровь и куски плоти, бездумно стремится к свету равнодушной, недостижимой звездочки. Этот бесконечный путь испытаний, с одной стороны, воспринимается исследователями творчества Гатуева как школа духа, где «неведомая дорога не страшит героя. Могучая сила и вера в высокую жизненную цель способны преодолеть преграды» (Дзапарова, Хетагурова, Хозиева и др., 2022, с. 618). С другой стороны, «непреодолимая» сила, подталкивающая лирического субъекта, есть суть проклятья, стремительный бег жизни в границах индивидуальной тюрьмы, где сквозь ветки-решетки индифферентным светом блистает звезда. Непреклонность героя может ассоциироваться с бессмысленным упорством Сизифа из философского эссе А. Камю (1990). Звездочка у Гатуева – это всего лишь часть окружающей природы, где «красное горячее солнце» обливает «ликующими лучами и добрых, и злых» (1981, с. 20). Здесь автор вплетает в свой текст очередную отсылку к библейской мифологии, ведь именно Бог «повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных» (Мф. 5:45). Связь с библейской символикой – мощный семантический пласт в трактовке текста в целом. Небесные светила (солнце, звездочка) неизменно ассоциируются с Богом, тогда как все, что связано непосредственно с лирическим героем, относится к земле (раздирающие ветки, острые скалы и т. д.). Свет солнца и звездочки инвариантный и самодостаточный, именно поэтому герой так стремится к своей безымянной звезде в попытке обрести спокойствие и гармонию в противовес земному хаосу и страданию. При этом звезда Гатуева увлекает, но не ведет к истинной цели, это только глаза страдальца сделали ее своим ориентиром, чтобы облечь смыслом свой стремительный бег вперед. Как уже в конце XX века скажет С. Рушди: «...мы глядим в вышину и надеемся, что звезды глядят оттуда на нас, мы молимся о путеводной звезде, прочерчивающей в небе путь нашей судьбы, <...> но для Вселенной мы значим куда меньше, чем она для нас, и звезды остаются на своих кругах, как бы мы ни мечтали об ином. <...> Судьбы наши здесь, на земле, и нет для нас путеводных звезд» (Рушди, 1999, с. 77-78).

Таким образом, символизм концепта ЗВЕЗДА в стихотворении Гатуева включает в себя дихотомичность прочтения: как традиционное толкование – путеводная, указывающая путь (Полярная, Вифлеемская звезда), так и модернистское – экзистенциальная дорога во тьму небытия под обманном мерцанием звезды, которая не освещает верную дорогу и не обозначает место завершения мучений лирического героя.

Мотив путеводной/судьбоносной звезды присутствует и в поэзии другого известного осетинского поэта начала XX века – Г. Г. Малиева – в стихотворении «Песнь горянки», где взор несчастной женщины устремлен в небо в поисках ее личной, собственной звезды. В осетинской мифологии считается, что «каждый человек имеет на небе свою звезду, которая рождается и умирает вместе с ним. О судьбе человека судили по его звезде: если она горит ярко – он счастлив. <...> Амондджын ст'алыйы бын райгуырд (родился под счастливой звездой)» (Осетинская этнографическая энциклопедия, 2012, с. 29). Поэтому и женщина в тексте Малиева ищет свою звезду на небе, но поиск ее безнадежен:

Помню я, как мать родная
Говорила мне всегда,
Что для каждого на небе
Богом создана звезда.
У окошка сакли бедной,

Тихо голову склоняя,
Взор свой с грустью каждый вечер
Устремляю в небо я.
Ярко, радостно играют
Звезд блестящие стада,
Но звезды своей меж ними
Я не вижу никогда.
Где же ты, звезда родная,
Где, грустя, мерцаешь ты?
Покажись хоть раз единый
Ты с бездонной высоты (Малиев, 1995, 104).

Образ угнетенной, бесправной женщины-горянки – один из актуальных в осетинской поэзии. Права женщин, их свобода волновали все прогрессивные умы национальной интеллигенции конца XIX – начала XX века (К. Л. Хетагуров, Г. М. Цаголов, Б. М. Гуржибеков, С. К. Гадиев, А. Б. Коцоев, А. Б. Кубалов). Малиев также не остается равнодушным к тяжелой участи женщин, которые в гнетущих жизненных условиях обречены «судьбою на зависимое, страдальческое существование» (Балоева, 2006, с. 11). Горянка Малиева каждый вечер устремляет свой уставший взгляд к радостным звездам, ища собственную, но ее нет на небе, либо она светит так слабо, что ее невозможно увидеть. Известное высказывание О. Уайльда «...we are all in the gutter, but some of us are looking at the stars» (Wilde, 1893, p. 92) / «...мы все в сточной канаве, но некоторые из нас смотрят на звезды» (здесь и далее перевод выполнен автором статьи. – Д. Х.) обретает измененное воплощение в стихотворении Малиева и теряет свою возвышенную концовку. Находясь в канаве, даже если и смотришь вверх, видишь лишь канаву, у зора нет перспективы, нет устремленности в светлую высь. По мнению видного исследователя осетинской литературы Ш. Ф. Джиккаева, стихотворение Малиева – это горькая жалоба: «Ныфсæварæнтæй сæнтысынц мифтæ æмæ аргæуттæ. Геуæргийы лириконт персонаж дæр йæхи буц дары уыцы мифтæй. <...> Дзæгъæлы агурæ æрыгон сылгоймаг æгæрон тыгъды йæхи стъалы, – тызмæг æцæгдзинад рацæу мифты ныхмæ, халы бæллиццон дуне, адæймаджы æркæны тыхст æмæ æрхæндагмæ» (Джыккайтæ, 2003, с. 155). / «Хранилище надежд – это мифы и сказки. Лирический персонаж Георгия также балует себя этими мифами. <...> Напрасно молодая женщина ищет в бескрайнем пространстве свою звезду, – жестокая реальность восстаёт против мифов, разбивает вдребезги мир грез, приводит человека к переживаниям и грусти». От традиционной символики концепта ЗВЕЗДА Малиев взял именно фольклорную ее трактовку: «звезда человека» («адамы стъалы»). Следует отметить, что подобные предания существуют во многих мировых традициях (славянская, восточная культуры). Однако, выбрав за основу привычные понятийные маркеры (судьбоносная, счастливая звезда), Малиев выходит на дополнительный коннотационный уровень: звезда должна быть, но ее нет. «Осетины верили: в небе столько звезд, сколько на земле людей. Потому в момент наступления смерти одна из звезд-светил падает с неба (арвай йе стъалы рахауди)» (Осетинская этнографическая энциклопедия, 2012, с. 519). Поэтому отсутствие собственной звезды на небе говорит о том, что горянка Малиева мертва. Это положение вновь заставляет вспомнить о времени создания стихотворения, о модернистской эстетике (страх жизни, боль и искажение действительности в мироощущении экспрессионизма), философии экзистенциализма (абсурдность всякого бытия и «упорство в жизни без утешения» (Камю, 1990, с. 264)). Тем самым «Песнь горянки» органично сочетает в себе социальную направленность, передавая «переживания, думы и чаяния простых людей» (Ардасенов, 1959, с. 244), и модернистское мироощущение с осознанием конечности, обезличенности и обыденности трагизма бытия. В контексте фольклорных представлений о звездах как о божествах, «к которым люди обращают свои молитвы и ждут от них помощи» (Рольгайзер, 2013, с. 193), в стихотворении Малиева героиня также отчаянно жаждет помощи с небес в бесплодных поисках собственной звезды.

По преданиям осетин, «падающие звезды – летящие ангелы. Куда падала звезда, там, говорят, бывал курган или холм, около них приносили жертвы и молились. По словам стариков, со времени революции не видно падающих звезд; должно быть, бог прогневался и не посылает ангелов» (Чурсин, 1925, с. 81). Цитата, взятая из очерка известного советского этнографа-кавказоведа Г. Ф. Чурсина, своеобразно подтверждает утверждение модернистов о том, что время начала XX века – это время, оставленное Богом. Отчужденность и очужденность – основа самоощущения личности начала XX века, ведь «до сих пор люди переходили из храма, который разрушался, в храм, который воздвигался, покидали одну религию, чтобы вступить в другую, между тем как мы покидаем нашу религию, не зная, куда идти» (Метерлинк, 2022, с. 289). Нет ни ангелов, ни падающих звезд, нет спасения и опоры в религии и преданиях старины, горянка Малиева одна под равнодушными небесами, на земле, с ее страданиями без веры в какое-либо светлое начало.

Рубеж XIX–XX веков и начало XX века – время потери устойчивых контактов: с Богом, с самим собой, со своим историческим прошлым. «Перелом веков означает смену языка, на котором небо (или бог) говорит с человеком. Теряя свою связь с предками, мы перестаем их понимать» (Бакирова, Пименова, 2020, с. 156). Подобную тотальную разобщенность демонстрирует и Малиев в стихотворении, где героиня под гнетом тяжелых жизненных условий превращается в механизм, выполняющий определенные семейные, бытовые функции, в тело, у которого отнята даже его звезда-душа. От чего горянка и мертва уже при жизни, под весом не только реальных проблем, но и экзистенциальных, тех, которые свойственны модернистскому мироощущению.

Тем самым актуальные тенденции времени нашли отражение в осетинской поэзии начала XX века (Гатуев, Малиев) в трактовке образа звезды, семантически углубив его, дополнив уже устойчивые отсылки к библейской мифологии, мировому и осетинскому фольклору. В экзистенциальном взгляде на небеса герои Гатуева и Малиева осознают будничную трагичность и обреченность собственного жизненного пути, идентичного уже протоптанным человечеством дорогам к свету недостижимой истины.

Заключение

Таким образом, в конце исследования можно прийти к следующим выводам. Стихотворения Гатуева и Малиева посвящены исследованию образа звезды в пределах мифологического, неомифологического и модернистского дискурса. Символизм концепта ЗВЕЗДА в произведениях осетинских авторов базируется на традиционных трактовках путеводной (Полярная, Вифлеемская), судьбоносной звезды («звезда человека» – «адамы стьалы»), но при этом приобретает им особую семантическую глубину благодаря эстетике модернизма. Путь за звездочкой для героя Гатуева по сути бессмысленный, ведь уставший и изможденный путник выбрал ее произвольным ориентиром в своем бесконечном экзистенциальном беге-жизни. Горянка Малиева каждый вечер после утомительного трудового дня ищет на ночном небе свою личную звезду, но не находит. Следуя логике старинных осетинских преданий, у каждого человека есть на небе звезда, а когда он умирает, исчезает и она. Отсутствие собственной звезды символизирует в стихотворении Малиева смерть архаического сознания, а также отражает идеи экспрессионизма, где грани между жизнью и смертью стираются, а человек начала XX века в целом ощущает себя мертвым уже при жизни. Абсурдность, пограничность существования воплощает героиня Малиева, ее жизнь – тот же сизифов труд, как и для лирического субъекта Гатуева. Звезды в произведениях Гатуева и Малиева превращаются в мертвую эмблему, теряют традиционную символику (не ведут в правильном направлении, не бывают судьбоносными), являя собой обманчивый элемент, фикцию, симулякр. Суть обоих концептов одна: они не играют ту роль, которую должны (указывать путь, символизировать жизнь каждого человека). Изнуряющий бег героя Гатуева и беспросветные тяготы горянки Малиева – это инвариантные свойства земного бытия, без надежды на избавление, без света звезды-истины.

В ходе проделанной работы открывается перспектива для дальнейшего исследования семантической парадигмы космогонической метафоры в осетинской литературе XX века.

Материалы исследования | Research materials

1. Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Словарь русской фразеологии: историко-этимологический справочник. СПб.: Фолио-Пресс, 1998.
2. Гатуев К. А. Стакан шейха. Орджоникидзе: Ир, 1981.
3. Камю А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде / пер. с фр. А. М. Руткевича // Ницше Ф., Фрейд З., Фромм Э., Камю А., Сартр Ж.-П. Сумерки богов (сборник) / сост., общ. ред. и предисл. А. А. Яковлева. М.: Политиздат, 1990.
4. Кафка Ф. Афоризмы / пер. с нем. С. Апта // Кафка Ф. Собрание сочинений: в 3 т. М. – Харьков: Художественная литература; Фолио, 1994. Т. 3. Афоризмы; Письмо отцу; Письма; Из дневников.
5. Малиев Г. Г. Ираф (стихи на осетинском и русском языке). Владикавказ: Ир, 1995.
6. Осетинская этнографическая энциклопедия / сост. Л. А. Чибириков. Владикавказ: Проект-Пресс, 2012.
7. Рушди С. Прощальный вздох мавра / пер. с англ. Л. Мотылева. СПб.: Лимбус Пресс, 1999.
8. Энциклопедия символов, знаков, эмблем / сост. К. М. Королев. М. – СПб.: Эксмо; Terra Fantastica, 2003.
9. Wilde O. Lady Windermere's fan: a play about a good woman. L.: E. Mathews and J. Lane, 1895.

Источники | References

1. Ардасенов Х. Н. Очерк развития осетинской литературы. Дооктябрьский период. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1959.
2. Бакирова А. А., Пименова М. В. Символические признаки концепта звезда в современной русской поэзии // Известия Воронежского государственного педагогического университета. Филологические науки. 2020. № 1 (144).
3. Балоева И. К. Творческое наследие Георгия Гадоевича Малиева: проблематика и жанровое многообразие: автореф. дисс. ... к. филол. н. Владикавказ, 2006.
4. Дзапарова Е. Б., Хетагурова К. И., Хозиева И. Х., Асаева Н. А. Стихотворения в прозе в осетинской литературе первой половины XX в.: жанровая идентификация // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2022. Т. 32. Вып. 3. <https://doi.org/10.35634/2412-9534-2022-32-3-615-622>
5. Джыккайтты Ш. Малиты Геуæргы // Джыккайтты Ш. Ирон литературæйы истори (1917-1956 азтæ). Дзæуджыхъæу: Ир, 2003.
6. Метерлинк М. Разум цветов / пер. с фр. Л. Вилькиной // Метерлинк М. Жизнь пчел. Разум цветов. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2022.

7. Поташова К. А. «Небо звездно» в поэзии Г. Р. Державина и В. И. Жуковского // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 18. Вып. 3. <https://doi.org/10.30853/phil20250170>
8. Рольгайзер А. А. Символическая интерпретация концептов 'звезда' и 'étoile' // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. Т. 1. № 3 (55).
9. Хугаев И. С. Генезис и развитие русскоязычной осетинской литературы. Владикавказ: Ир, 2008
10. Чурсин Г. Ф. Осетины. Этнографический очерк. Тифлис: Типография газеты «Заря Востока», 1925.

Информация об авторах | Author information

RU**Хетагурова Дзерасса Казбековна¹**, к. филол. н.¹ Владикавказский научный центр Российской академии наук**EN****Dzerassa Kazbekovna Khetagurova¹**, PhD¹ Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences¹ dze-khe@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 12.08.2025; опубликовано online (published online): 18.09.2025.

Ключевые слова (keywords): осетинская литература; путеводная звезда; судьбоносная звезда; поэтическая метафора; эстетика модернизма; Ossetian literature; guiding star; fateful star; poetic metaphor; aesthetics of modernism.